

УДК 930

РУССКИЙ ПАНСЛАВИЗМ XIX ВЕКА И АНТИЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИИ М.С. КУТОРГИ

П.В. Георгиев

Аннотация

В статье представлена концепция политики выдающегося российского антиковеда М.С. Куторги в контексте идейно-политических исканий отечественной общественной мысли и историографии второй половины XIX века. Полития, или гражданство, – политический строй, пришедший на смену несовершенной демократии в Афинах благодаря Периклу, сделавшему всех граждан равноправными на деле. Концепция политики явилась частью общей попытки М.С. Куторги построить национальную, русскую самобытную науку об античности, во многом противостоящую западной.

Огромное влияние на идейно-политическую атмосферу России во второй половине XIX в. оказала идеология панславизма. В той или иной степени в идеях панславизма нашли свое отражение не только стремление к славянской взаимности, но и политические идеалы значительной части русского общества, заключавшие в себе некий симбиоз традиционных представлений о незыблемости монархической власти и стремление к идеям народовластия и соборного представительства. В этом смысле панславистская идеология выработала идею некой народной монархии как политического идеала, долженствующего быть альтернативой «неправильной» западной демократии¹.

В свою очередь, подобные взгляды оказали влияние и на восприятие античной демократии, которую некоторые сторонники идеологии панславизма рассматривали как своеобразный аналог древнерусского вечевого правления. В идеологии панславизма нашли отражение традиционные представления о соборности и приоритете общественного над частным как конкретные элементы «Русской идеи», отличающие ее от идеи западной, которая опирается на принципы индивидуализма.

В какой-то степени итогом развития панславистских идей в России явился Славянский съезд 1867 г., который дал мощный толчок дальнейшей теоретической разработке идеологии панславизма² с присущим ей противопоставлением

¹ См.: *Лебедев С.В.* Русский панславизм второй половины XIX века: люди и идеи // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 1. – С. 329; *Досталь М.Ю.* Всеславянский аспект теории официальной народности // Славяноведение. – 1999. – № 5. – С. 58.

² См.: *Майорова О.* Славянский съезд 1867 г.: метафорика торжества // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 5. – С. 90; *Найт Н.* Империя напоказ: всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 5. – С. 111–131; *Ведерников В.В.* Славянский съезд 1867 г. и русская консервативная общественность // Вести Волгоградского ун-та. Сер. 4.: История. Философия. – 1999. – Вып. 4. – С. 15–21; *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд 1867 года.* – М, 1867.

греко-славянского и романо-германского начал. Именно эта мысль нашла отражение и в изучении античной истории¹. Одной из идей, прозвучавших на Славянском съезде, была идея Москвы «как пантеона славянского мира»². На наш взгляд, во многом именно эти идеи легли в основу исторических взглядов М.С. Куторги на афинскую демократию, в особенности отразившись на его концепции политики.

Видимо, совсем не случайно в том же 1867 г. появляются статьи М.С. Куторги и В.И. Ламанского о необходимости самобытной российской науки и родстве греческой и русской истории. М.С. Куторга в этой связи отмечал, что славянская история есть «прямое, не прерванное продолжение истории эллинизма, с переродившимися, посредством христианства, началами и со включением нового племенного элемента»³. Отдавая роль преемников Рима Западу и западным ученым, он подчеркивает преемственность истории эллинской и славянской, считая эллинов духовными прародителями славян⁴.

В той же статье М.С. Куторга выражает мысль о необходимости создания русской науки об античности, в том числе с терминологией, соответствующей ментальности и духу народа⁵. В 1873 г. он развивает эти идеи в программной статье «О науке и ее значении в государстве»⁶, вызвавшей широкий общественный резонанс⁷. В ней М.С. Куторга подчеркивает, что успех общества зависит от самобытности умственной деятельности народа, и подвергает критике русскую интеллигенцию за низкопоклонство перед Западом.

Именно в стремлении создать особенный, самобытный взгляд на историю древней Греции рождается у М.С. Куторги и концепция политики, в которой, отразилась попытка увидеть афинскую демократию сквозь призму отечественных, привычных представлений о самоуправлении, соборности и гражданственности, приоритете общественных начал перед частными.

¹ См.: *Куторга М.С.* Введение в историю древней греческой образованности // ЖМПН. – 1867. – Ч. 133. – С. 109. Славянский съезд 1867 г. имел огромное значение в изменении прежней официальной исторической парадигмы, связанной с отождествлением России и императорского Рима, так ярко проявившейся в период правления Николая I (см.: *Кнабе Г.С.* Русская античность. – М., 1999. – С. 163). Вместо уходящей своими корнями в седую древность идеи о Москве как «Третьем» Риме пробивается, хотя и робко, новая идея о Москве как о «Вторых» Афинах. В этом же смысле вместо «чужого» императорского Рима особую актуальность получают «родные» демократические Афины. Не случайно, что именно в этом контексте обращаются к истории Древней Греции в это время многие отечественные историки. При этом афинская демократия воспринимается как некий аналог древнерусской самоуправляющейся общины; во всяком случае, особое значение получает мысль об афинской демократии как некоем способе выражения народной воли, превосходящем современные западные представительные собрания (см.: *Ламанский В.И.* Изучение славянства и русское народное самосознание // ЖМПН. – 1867. – Ч. 133. № 1. – С. 117; *Аландский П.И.* История Греции. – Киев, 1899. – С. 396).

² См.: *Майорова О.* Славянский съезд 1867 г. – С. 100.

³ См.: *Куторга М.С.* Введение в историю древней греческой образованности. – С. 170. (Эта работа являлась к тому же вступительной лекцией по всеобщей истории, прочитанной Куторгой в октябре 1864 года в Санкт-Петербургском университете. См.: *Константинова А.Д.* Жизнь и научная деятельность М.С. Куторги. – С. 120).

⁴ См.: там же. – С. 171.

⁵ См.: там же. – С. 172.

⁶ *Куторга М.С.* О науке и ее значении в государстве // Русский Вестник. – 1873. – Т. 104. – С. 5–61.

⁷ Резкую критику вызвала эта статья в лагере отечественных либералов. Так, в «Вестнике Европы», редактором которого являлся ученик Куторги М.М. Стасюлевич, со временем разошедшийся со своим учителем по политическим взглядам, появилась резкая статья, направленная против взглядов М.С. Куторги (см.: *Д.Е.* Цветы на псевдо-классической почве. Размышления г. Куторги «О науке и ее значении в государстве» // Вестник Европы. – 1873. – Т. 3. – С. 451–463).

Термин «полития» впервые появляется в статье М.С. Куторги «Борьба димократии (так в тексте. – П.Г.) с аристократией в древних эллинских республиках перед Персидскими войнами», где он говорит о политике как особом государственном строе, сменившем демократию, называя Перикла ее «устроителем»¹. В дальнейшем Куторга развил свою концепцию политики в других своих работах – «Основы афинской гражданской общины» и «Афинская полития. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение»².

В духе создания русской науки об античности М.С. Куторга, конечно, совсем не случайно в своих трудах при переводе таких древнегреческих слов, как *ekklēsia*, *boulē*, *politeia*, пользуется привычным и для русского человека терминами «вече», «дума», «гражданство» или «община», причем по поводу такого перевода он особо оговаривается³. Так, при использовании слова «вече» для перевода древнегреческой «эклесии», М.С. Куторга замечает: «У нас есть свое русское слово «вече», хотя старинное, но благозвучное, признанное историей и более других выражений соответствующее древнему греческому...»⁴. В том же духе пишет он и по поводу древнегреческой «буле»: «Весьма замечательно, что слово *boulē* “совет” или “дума” перешло прямо в русский язык без перевода, только в дорийском и эолийском произношении и правописании *hē boula* (порусски «воля»), что совершенно верно, ибо *boulē* означает и “совет” и “волю”»⁵. А при переводе слова «полития» (которым Куторга собственно и именуется строй, сложившийся при Перикле в Афинах) Куторга советует использовать слово «гражданство», отмечая, что оно «воспроизводит с точностью греческое *politeia*, так как означает общину граждан и общинное правление»⁶.

В концепции политики отразился и другой важный аспект мировоззрения М.С. Куторги, а именно все та же идея о противоборстве двух разных миров – романо-германского и греко-славянского, где краеугольным камнем являлась мысль о противостоянии православия и католицизма⁷. Сам дух афинских гражданских свобод перешел, по мнению Куторги, в Православную Церковь: «со-

¹ См.: Куторга М.С. Борьба димократии с аристократией в древних эллинских республиках перед Персидскими войнами // Русский Вестник. – 1875. – Т. 120. – С. 6–54.

² См.: Куторга М.С. 1) Основы афинской гражданской общины // Собр. соч. – Т. 1. – С. 77–152; 2) Афинская полития. Ее состав, свойство и всемирно-историческое значение // Там же. – Т. 2. – С. 95–485.

³ Термин «народное собрание» Куторга отвергает по той причине, что его используют немецкие ученые, имея в виду, что «народное собрание» есть языковая калька с немецкого *Volksversammlung* (см.: Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 2. – С. 286).

⁴ См.: Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 2. – С. 286.

⁵ См.: там же. – Т. 1. – С. 90.

⁶ Там же. – Т. 2. – С. 281. Куторга указывал на то, что под словом «полития» древние греки «разумели также вообще государство, но преимущественно впоследствии; в эпоху же Перикла оно служило для обозначения гражданской общины» (Куторга М.С. Новая книга о Перикле // Русский Вестник. – 1880. – Т. 145. – С. 817). Несомненно, что сам термин «гражданская община», употребляемый Куторгой для обозначения политического строя, установившегося при Перикле, должен был приближать древнегреческую историю к привычным для русского человека общинным понятиям. Вероятно, здесь можно увидеть влияние симпатии славянофилов к русской общине.

⁷ О католической церкви Куторга отзывался в своих трудах прямо враждебно: «Покорение турками Константинополя возобновило всегда питаемое ревностное и напряженное стремление католического первосвященника поколебать благосостояние и уничтожить независимость Православной Церкви подчинением ее главенству Римского Папы, стремление, продолжающееся и поныне, несмотря на испытанную “тщету усилий перед непоколебимой твердостью православия”» (Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 1. – С. 1. См. также: С. 527–528, 557–560.)

хранилось до сих пор общинное избрание Вселенского Патриарха, равно как и общинные избрания приходских священников в Греции»¹.

Вместе с тем афинскую державу М.С. Куторга рассматривает как особый вид политического начала – афинский. «Афинская община, – замечает Куторга, – выступила из ряда большинства греческих республик, перестала быть исключительно афинской и являлась как бы республикою общеэллинскою, представительницею эллинства»². В этом понимании афинской державы как некоего объединительного начала в греческом мире видны явные аллюзии Куторги на необходимость создания некой славянской общности под главенством России, которая, по его словам, «несмотря на сильное противодействие правительств Западной Европы,.. победоносно возвратила свободу южным славянам... и... заняла место слабой Восточной Римской империи, представ первенствующим славянским государством»³.

Таким образом, концепция политики, или гражданства, политического строя, который якобы пришел на смену несовершенной демократии в Афинах благодаря Периклу, сделавшему всех граждан равноправными не на словах, а на деле, явилась частью общей попытки М.С. Куторги построить национальную, русскую самобытную науку об античности, во многом противостоящую западной. Куторга подчеркивал, что эллины называли политией (или гражданством) «тот вид республики, где не властвовали ни димократы, ни аристократы, ни олигархи, где не было различия сословий, где все граждане равноправны и где община представляет единое целое государство»⁴.

Полития для Куторги – это некий аналог той самой «национальной и религиозной демократии», о которой мечтали славянофилы. Не случайно главным достоинством политики для Куторги является нравственное начало, которое, в свою очередь, не отделимо для него от «исполнения общинных обязанностей»⁵.

Важным моментом в восприятии афинской демократии в консервативной части русского интеллектуального общества явилось философское наследие Платона, который теснейшим образом связан с «генеалогией Русской идеи» и который, как никакой другой философ, сумел «пленить русское национальное сознание»⁶. Одной из существенных сторон философии Платона являлось отрицательное отношение к афинской демократии.

Создавая свою концепцию политики, Куторга также не раз обращается к Платону. Так, опираясь на «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта (IV.4, 15–16), Куторга говорит: «Сократ доказывал, что Полития благоденствует и незыблема только при единодушии граждан...», а «крайнее преобладание демократии приносит гибель республике, так как открывает путь к тирании, которая именно из нее и развивается»⁷.

¹ Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 1. – С. 558.

² Там же. – С. 478.

³ Там же. – С. 3.

⁴ Там же. – Т. 2. – С. 281.

⁵ Там же. – С. 205.

⁶ См.: Россман А.И. Платон как зеркало русской идеи // *Вопр. философии.* – 2005. – № 4. – С. 39.

⁷ См.: Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 1. – С. 123; Т. 2. – С. 354.

В другом месте своего сочинения о политике Куторга, обращаясь к сочинению Платона «*Politikos e peri basileias*», замечает, что «филологи отбросили вторую половину, т. е. *basileia*, объявив ее подложною, и вместо «*Politikos e peri basileias*» оставили просто *politikos*, удержав при этом в переводе значение «государственный муж», что не вполне соответствует действительности»¹. Куторга предлагает свой перевод – «Правитель о царствии»² – и замечает: «Платон разъяснил древнего Политика с строгою логической последовательностью, а вместе с тем нельзя не признать, что он желал представить совершеннейшего правителя эллинской республики и что слово “Политик” означало у философа именно “Правителя”, так как “Политиком” назывался гражданин, возвышавшийся и даже первенствовавший в политике, т. е. в гражданской общине, или общине граждан, и руководивший вечем граждан... Читая слова Платона, нельзя не подумать, что он как бы хотел сказать: я описал не персидского царя, подобно Ксенофону, а *Царя-правителя* (выделено нами. – П.Г.) эллинской республики»³. Здесь же Куторга считает, что «Платон избрал для своего идеала Перикла, как Ксенофонт – Кира»⁴.

Отметим, что подобным замечанием Куторга явно «проговаривается» о своем отождествлении Перикла с монархом, и тогда вполне понятным становится общий смысл концепции политики: она является отражением панславистских идеалов самого Куторги о некоей национальной монархии, где царит общинно-свободное единогласие и где во главе стоит народный царь-наставник, обеспечивающий своим авторитетом законность и порядок существующему политическому строю.

Summary

P.V. Georgiev. Russian Pan Slavism of 20th Century and Classical Democracy: M.S. Kutorga's Conception of Politeia.

In the article the prominent Russian scholar's M.S. Kutorga conception of *politeia* is represented in the context of ideological-political searches of social mind and historiography in the second half of 19th century. *Politeia* or citizenship is a political order, which changed the imperfect democracy in Athens due to Pericles, who provided all the citizens with real equal rights. The conception of *politeia* was the part of M.S. Kutorga's wider attempt to create the national and original Russian classical scholarship in many respects opposed to the Western one.

Поступила в редакцию
17.09.07

Георгиев Павел Валентинович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

¹ См.: Куторга М.С. Собр. соч. – Т. 1. – С. 113.

² См.: там же. – С. 114.

³ Там же. – С. 119.

⁴ См.: там же. – С. 120. При этом Куторга считает, что Платон описывает здесь вовсе не идеальное государство, а политический строй, сложившийся в Афинах при Перикле, именно Политию, заключающую, что «государство Платона в своей основной мысли есть Полития, т. е. введенное Периклом гражданство, или та гражданская община, в коей выработались два великих начала: законность (*eunomia*) и равноправность (*isopolitia*), образовавшие вместе идею свободы гражданина, которую провозгласил сам Перикл, сказав: «Мы, афиняне, свободно гражданствуем – *eleutherōs politeuomen*» (там же. – С. 125).